

СОЛОВЬЁВ-АНДРЕЕВИЧ, Евгений Андреевич, псевдоним, настоящая фам.-- *Соловьев*; другие псевдонимы -- *Ан., Анд., Андреевич., Мирский, Скриба, В. Смирнов* [6(18).VIII.1867 -- 25.VIII(7.IX).1905, Шувалово, под Петербургом] -- литературный критик, историк литературы, беллетрист. Учился в 3-й Петербургской гимназии. Окончил в 1888 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Еще в студенческие годы начал печататься в газете "Эхо". В идейном созревании С.-А. особую роль сыграли его "духовные" учителя -- Д. И. Писарев и А. И. Герцен. Готовил себя к научной карьере, но пришлось учительствовать в Сибири. По возвращении в Петербург целиком отдался литературной работе: писал корреспонденции, делал обзоры художественных выставок, читал в университете лекции, редактировал иностранные переводы, подбирал рисунки для иллюстрированных журналов. По сибирским впечатлениям выпустил сборник рассказов "В раздумье" (1892). В 90 гг. много сделал для популяризации творчества Карамзина, Аксакова, Гончарова, Тургенева и др., написав для серии "Жизнь замечательных людей", издаваемой Ф. Павленковым (1891--1899), их биографии. На протяжении творческой деятельности печатался в "Жизни", "Русском богатстве", "Научном обозрении", "Журнале для всех", газетах "Новости", "Русская жизнь", "Русь", "Одесское обозрение". Самым счастливым временем считал работу в "Жизни", где сблизился с М. Горьким и воспринял учение Маркса. В последние годы намеревался написать "Историю пролетариата".

Литературная концепция С.-А. отражена в статьях, опубликованных в журнале "легальных марксистов" "Жизнь". В них критик продемонстрировал "сословный" (в его понимании -- классовый) подход к литературе, хотя и ограничился общими рассуждениями о "рефлектирующих барах", "кающихся дворянах" и "разночинцах". С.-А. с уважением отозвался о наследстве 60 гг., но подчеркнул, что в 90 гг. ведущей силой в обществе становится пролетариат и на смену проповедуемой народничеством жертвенности приходит идея активной личности и бунт против мещанского миропорядка. Герой лит. оказывался у критика целиком сконструирован по образцу "новых людей" 60--70 гг. С.-А. сумел предвосхитить такие черты его, как бодрое чувство любви к жизни, непоколебимую веру в свои возможности, но оставил без внимания существо той борьбы, которой посвятит герой накопленные знания и силы. У него даже проскальзывало предложение объединить толстовского крестьянина, горьковского "босяка" и нарождающегося пролетария в один тип, для которого характерно презрение к мещанству и жажда свободы. Он выражал надежду, что произведения, отражающие жизнь народа и его стремления, появятся, когда окончательно "прояснится" сознание масс.

Ведущими писателями, отразившими новое отношение к личности, для С.-А. были А. П. Чехов и М. Горький. В творчестве Чехова в противовес народническим взглядам он обнаружил "исторический" пессимизм, т. е. такой, который "может быть излечен" (Жизнь.-- 1901.-- № 3.-- С. 229) при соответствующих переменах в общественной жизни. Ценным было указание критика на складывающуюся в творчестве Чехова из "мозаики случайных фактов", мелочей "грозную" (Там же.-- № 2.-- С. 364) картину действительности, перерастающую в обвинение всему общественному строю. При этом критик отметил также, что "случайности" Чехова -- особого рода: за каждую угадывается неизбежность. Критик верно уловил ведущую особенность чеховского метода -- мелочный, атомистический анализ жизненных противоречий.

Статьи, посвященные М. Горькому, объединены в цикл "Вольница". Отношение критика к писателю было восторженным. Он увидел в горьковских героях воплощение мятежного и непримиримого человеческого духа. С.-А. одним из первых обосновал мысль о романтизме молодого писателя, но придал ему слишком расширительный характер. На точно сформулированный вопрос: что же определяет поведение горьковских героев -- "меланхолический темперамент... или искание подвига, призыв ли свободы или непримиримая ненависть к рабству, дерзость мысли или ее растерянность, борьба вольного чувства с устоями... жизни... или же осознание своей неприспособленности и неудачливости" (Там же.-- 1900.-- № 4.-- С. 324) -- С.-А. дал весьма уязвимый ответ, сведя все, по сути дела, мотивы поступков героев к тем же источникам, которые питали романтизм прошлого. Позже в своем обобщающем труде "Опыт философии русской литературы" (1905) он серьезно подправил свое положение о романтизме Горького и даже назвал его "пролетарским". "Босяк,-- заметит критик,--...лишь символ пробуждающегося, но не определившегося пролетарского самосознания". Эта мысль, так же как и утверждение, что в "Горьком... пролетариат впервые заявил о себе, о своем праве на жизнь и счастье..." (Опыт философии русской литературы.-- С. 518, 520), были крупнейшим открытием марксистской критики, позволившим определить своеобразие Горького именно с точки зрения движущих сил пролетарского периода освободительного движения. В творчестве позднего Толстого критик выше всего ценил "великую недосыгаемую правду изображения", критический реализм писателя, безжалостно срывающего "сто ризок с условностей нашей культурной, общественной жизни", оголяющего "ее ложь, прикрытую высокими словами" (Жизнь.-- 1899.-- № 12.-- С. 353--354). От декадентства С.-А. отрекся (и в этом сказалась его связь с народническими воззрениями) как от